

ЭО, 2007 г., № 4

© С.И. Рыжакова

ВЛЕКУЩИЙ КОЛЕСНИЦУ ГЛУПОСТИ.

С.А. АРУТЮНОВ: К 75-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ

Многие из тех, кто переписывался с Сергеем Александровичем Арутюновым по электронной почте, задавались вопросом: а что значит его логин – gisaba? Зная о широчайшем языковом спектре известного ученого, каждый предполагает свое: может быть, это что-то значит по-грузински, по-армянски, или... На самом деле, ответ лежит в дальневосточной культуре: gisaba по-японски – "влекущий колесницу глупости". Чисто японская самоирония, дзэнский стиль. Зачем волочет? Из почтения к знанию и в силу служебных обязанностей.

Сергей Александрович Арутюнов, доктор исторических наук, профессор, член-корреспондент РАН. Заведующий Отделом Кавказа Института этнологии и антропологии РАН. Этнограф с богатейшим опытом полевой работы, энциклопедическими познаниями в области лингвистики, археологии, ботаники, географии, истории. Ученый с мировым именем. Поэт. Учитель.

Сама его жизнь движется закономерно, более или менее укладываясь в двенадцатилетние циклы. А уж как она полна интересными подробностями – об этом лучше умеет рассказать он сам! Повествование о жизни – и увлекательный, и поучительный рассказ, наводящий на глубокие размышления.

Круг первый (1932–1944)

"Творчество. В изначальном развитии благоприятствует стойкость"

(Книга Перемен)

Имеется такое наблюдение, что этнографами в основном становятся маргиналы. Правда, сторонники всякой "исконности" считают, что метисное потомство – плохое, ущербное, однако антропологические данные говорят об обратном. Что же касается Сергея Александровича, он так говорит о себе: "более метисного и маргинального человека чем я, найти трудно! Все мои предки были метисы и маргиналы".

Его отец, Александр Сергеевич Арутюнов, вырос в семье виноделов и виноторговцев, не очень значительных, но все же состоятельных. Отчий дом находился в с. Карданахи в Восточной Грузии. Это была грузино-армянская семья (в основном армянская по происхождению, но культурно совершенно огрузинившаяся). "Они принадлежали армянской апостольской церкви, но их повседневный быт был устроен по-грузински. Они все делали как грузины: выпивали, закусывали как грузины, пели гру-

---

Светлана Игоревна Рыжакова – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института этнологии и антропологии РАН.

зинские песни, гордились деловыми успехами своих предков (хотя это была не дворянская, а скорее купеческая гордость, свойственная по духу больше армянским семьям). Жизненные ценности их тоже были связаны с нравами торгово-купеческого сословия".

Мать, Ольга Петровна Саломон, принадлежала русской дворянской семье. Но и тут не все так просто! "Семья Саломон, и поэтому многие считают меня человеком с еврейским происхождением; тем не менее, это не так. Шаломон было имя, которое дал одному знатному печенегу, крестившемуся в XII в. в Венгрии, король Геза Второй. Древнееврейские имена тогда были в моде! От него и пошел небогатый дворянский венгерский род Шаломонов. Когда цесаревич Алексей был женат на принцессе из дома Габсбургов, некоторое количество австрийских подданных попало на русскую службу. Среди них был и Шандор Шаломон, от которого отсчитывается дворянский русский род Саломонов. Предки мои по этой линии жили в Рязанской губернии и в Санкт-Петербурге".

Прапрадед Сергея Александровича, Петр Иванович Саломон (1819–1905), был членом Государственного Совета и помощником К.П. Победоносцева по Святейшему Синоду (П.И. Саломон изображен на картине И.Е. Репина "Торжественное заседание Государственного Совета 7 мая 1901 г. ..." рядом с В.Н. Коковцовым). Он и его старший сын Александр (позднее – тоже член Госсовета) в основном занимались реформой пенитенциарной системы: ограничением карательных акций, всякого рода усовершенствованиями, отменой каторги, преобразованием тюремных уставов.

Младший из сыновей Петра Саломона, Андрей Петрович, в молодом возрасте уехал в Италию, где и остался. «Человек он был – не то чтобы непутевый, но увлекающийся. Жил в Неаполе, увлекся археологией, и растратил все свое состояние (довольно приличное, кстати говоря!) на финансирование раскопок Помпеи. Подрядчики-итальянцы его безбожно надували: подсовывали подделки, которым он безумно радовался, платил наградные, и таким образом создал коллекцию "античных вещей", которая вся оказалась поддельной! Женился на итальянке – Луизе Терезии Каппаччо, незнатной и небогатой (чем российские родственники были крайне недовольны; к тому же жена ведь была католичкой). У них были дети – моя двоюродная бабушка Софья (тетя Соня) и мой дед – Петр Андреевич. Оба выросли в Италии, но потом переехали в Россию. Тетя Соня вышла замуж за моряка, капитана дальнего плавания "Доброфлота". Оба – полурусские-полуитальянцы, с венгерско-печенежскими корнями, православные российские подданные».

«Дед Петр поступил в Санкт-Петербургский университет и по юности связался там с народовольческими или даже марксистскими организациями в 1890-е годы. Тогда и Ленин начинал свою деятельность; кто знает, может быть, они даже встречались на кружковской почве. Дедушку замели, лишили прав состояния, дворянства, и сослали, правда, в Кутаисскую губ., – тогда туда еще ссылали! Тем временем его старый дед П.И. Саломон (ему уже было почти 80 лет) хлопотал за внука перед государем, так что вскоре деду Петру пришло высочайшее прощение, восстановление в правах, в дворянстве. В канцелярии наместника Его Императорского Величества на Кавказе сочли, что у него есть влияние при дворе, так что он начал быстро расти по службе. К моменту Октябрьской революции и началу советизации Грузии он уже был в должности действительного статского советника (что соответствовало генерал-майору), заведовал департаментом землеустройства. К тому же он удачно женился. Его женой стала Антонина Ивановна Кириченко-Штайнгофф, дочь от брака богатого украинского землевладельца с дочерью не менее богатых немецких колонистов. Она путешествовала по Грузии и, обуреваемая романтическими идеалами, встретила красивого юношу, тогда еще наборщика, прозябавшего в какой-то кутаисской газетенке, безумно в него влюбилась и вопреки негоднованию родственников вышла замуж – за "прощельягу, каторжника"! И кто же знал, что скоро он будет прощен, переедет в Тифлис и начнет делать чиновничью карьеру. У них родились три дочери: средняя, моя мама Ольга

(внешне – чистая итальянка), и мои тети – старшая Таня (похожая на немку) и младшая Людмила (типичная славянка). Такая была семья!

Брак моих родителей тоже оказался маргинальным. Дворянка, дочь статского советника, вышла замуж за сына нешибко видного армянского купца! Но тогда была послереволюционная обстановка, 1920-е годы, и моя мама, и обе тети – все вышли замуж за армян; в то время в Тифлисе больше выходить замуж было не за кого: более или менее родовитые грузины женились в основном на грузинках, а русских женихов было очень мало».

Сергей Александрович родился 1 июля 1932 г. Вот что он рассказывает о своей детской жизни: "были две семьи – мамы и ее сестер, где говорили по-русски, по-французски, по-итальянски, по-немецки. Немецкому меня целенаправленно обучали, по-французски и по-итальянски же говорили, когда пытались от меня что-то скрыть. Правда, я все отлично понимал и по сей день прилично знаю французский, хотя никогда его не изучал. При этом семья была русская, православная, в доме было немало икон, перед которыми молились, зажигали лампады. Соблюдался определенный этикет. Во второй семье – семье родственников отца – все было устроено по-грузински, и говорили там по-грузински. Даже после раскулачивания в Карданахи у нас остался маленький домик с садиком, где жила бабушка (дед умер перед войной). До смерти бабушки в 1960 г. все свои отпуска я проводил там. Так, я вырос в грузинской среде, где обучился, среди прочего, застольному этикету и познал искусство произносить тосты".

Тифлис 1930-х годов. Многоэтничный город! Дворовая компания, школа, дети из польских, еврейских, греческих, немецких семей. Звучали разные языки, в семьях соблюдали разные обычаи. Но что же интересовало маленького Сергея больше всего? Оказывается, энтомология. Сочинения Жана Анри Фабра были его любимыми детскими книгами. Осы, муравьи... в общем, жизнь насекомых. Особый, далекий от человеческого мир. Сергей Александрович признает, что насекомых и людей сопоставить нельзя; ведь у мух общества нет, они не коллективные существа. А улей или муравейник – это не общества, это скорее своего рода "организмы", состоящие из отдельных особей подобно тому, как мы состоим из клеток.

А вот зоология, орнитология – это области, стоящие уже гораздо ближе к антропологии; полученные здесь данные могут дать очень многое исследователю людей. «Антрополог изучает людей в какой-то мере так же, как орнитолог – птиц. При этом важно знать, что птица не станет орнитологом, и орнитолог не должен стремиться стать птицей. Наверное, и антрополог в чем-то не должен быть просто "человеком", но должен воспитывать в себе особые духовные черты добра, эмпатии, альтруизма. Но это я понял уже позднее».

Круг второй (1944–1956)

«Нет глади, которая осталась бы без выбоин, нет ухода без возвращения. Если в начальных трудностях будешь стойким – хулы не будет» (Книга Перемен)

Следующий жизненный этап Сергея Арутюнова начался на исходе войны. Вот что он об этом рассказывает: "В войну мои бабушка и мама скончались, отец пришел в 1944 г. ослепшим. Мне было двенадцать лет. Это был момент невероятных трудностей, чудовищного жизненного перелома, когда я понял, что вдруг в одночасье стал взрослым. И в этот же год понял, что буду востоковедом".

То, с помощью чего это произошло, также пришло из семьи. «Тетя Соня была замужем за капитаном дальнего плавания "Доброфлота", который командовал пароходом "Петербург" (на нем однажды А.П. Чехов возвращался с Сахалина в Одессу). Пароход ходил между Владивостоком и Одессой с заходом в Нагасаки, Сингапур, Колом-

бо, Аден, Суэц. Дедушкин зять, капитан Егоров, много накопил там японских и других восточных вещей. Когда тетя Соня овдовела, она переехала из Одессы к нам, в тифлисский дом; детей у нее не было. Она привезла массу японского барахла, среди которого я и вырос. В войну почти всё распродали (кроме нескольких картин, на которые не нашли покупателя): лаковые столики, стульчики, шкафчики были обменены на продовольствие. Меня страшно интересовал мир, который был изображен на этих предметах: люди в странных костюмах, с огромными зонтами, домики, сосны, хризантемы. Незадолго до своей смерти (мне было лет одиннадцать) мама определила меня в библиотеку Дома офицеров в Тифлисе, и я стал целенаправленно искать книги с похожими картинками, а также начал читать японскую и китайскую литературу – все, что можно было найти в переводах. Это меня очень заинтересовало, и лет в двенадцать я решил, что вырасту и изучу этот непонятный загадочный мир. В пятнадцать лет (1947 г.) я вдруг увидел в магазине японско-русский словарь, купил его и начал по нему пытаться изучать японский язык. В дальнейшем, когда в 1950 г. я поступил на японское отделение Восточного факультета, это мне очень помогло: самое трудное для всех студентов была работа с японским словарем. Слова в нем распределены по ключам, а ключ в иероглифе надо уметь выявить. Я же уже года три мусолил словарь, и систему эту понял. Все однокурсники приходили ко мне консультироваться».

Закончив университет в 1954 г., Сергей Арутюнов поступает в аспирантуру Института этнографии (ныне – Институт этнологии и антропологии РАН). Все это было завершением того, о чем он решил еще в двенадцать лет. Востоковедом он стал, начал писать диссертацию об этногенезе японцев.

Круг третий (1956–1968)

*“Две луны, и ночи чернота.
Я такого чуда не видал!
Справа – под покровом красота,
Слева – красота без покрывал...”*
(из современной поэзии на урду)

Следующий жизненный цикл Сергея Александровича начался в 1956 г. Тогда ему исполнилось 24 года, он заканчивал аспирантуру и находился под определяющим влиянием своего учителя, человека, сыгравшего наибольшую роль в его профессиональной жизни, – проф. М.Г. Левина (тот тогда писал работу по антропологии Японии, и аспирант, знающий японский язык, ему тоже был полезен). Другими своими учителями Арутюнов считает Г.Ф. Дебеца (с которым он формально связан не был, но от которого многое почерпнул) и Н.Н. Чебоксарова (заведующий Сектором Восточной Азии и его непосредственный начальник), а также Е.М. Жукова (специалиста по новой истории Японии и формального научного руководителя кандидатской диссертации Арутюнова). По сей день этим людям Сергей Александрович благодарен за участие и помощь; в его кандидатской диссертации “Древний восточно-азиатский и айнский компоненты в этногенезе японцев” был активно использован обширный лингвистический и археологический материал (по ряду причин защищена она была только в 1962 г.). В это же время (1954–1955 гг.) молодой ученый занимался разработкой алгоритма русско-японского перевода в Институте точной механики и вычислительной техники.

Каждое из событий этого периода жизни Арутюнова было раздвижением новых и новых горизонтов. В 1957 г. в Москве прошел Международный фестиваль молодежи и студентов, повлиявший на судьбы очень многих людей: впервые закрытая страна стала вдруг относительно открытой. Сергей работал в организационном комитете фе-

В отделе Кавказа Института этнологии и антропологии РАН. Слева направо: Я.С. Смирнова, С.А. Арутюнов, Г.А. Сергеева, Л.К. Гастеева, Б.А. Калоев. 2004 г. Фото Н.Д. Пчелинцевой

стивалю, а также выступал как переводчик с японского (а потом побывал и в Киеве на форуме Международного студенческого союза).

В тот же 1957 г. далеко и от Москвы, и от Японии случилось необыкновенное событие, перевернувшее жизнь С. Арутюнова. Открылся мир древнеэскимосской культуры. В 1956 г. Дорианом Сергеевым (учеником А.П. Окладникова, археологом, работавшим тогда сельским учителем на Чукотке) были обнаружены древнеэскимосские могильники – Уэленский и Эквенский. С. Арутюнов примкнул к начавшейся в 1957 г. чукотской экспедиции М.Г. Левина, где работал до 1987 г. (когда произошел последний плановый выезд, и Сергей Александрович передал разработанную исследовательскую технологию своим ученикам). Это были уникальные памятники, где найдены и стратиграфически определены разные компоненты древнеэскимосской культуры; единственным зарубежным аналогом им является Ипиутакский могильник на Аляске.

В ходе этих работ совместно с Д.А. Сергеевым (М.Г. Левин скончался в 1963 г.) были сделаны открытия, которые Сергей Александрович считает самыми главными в своей научной жизни. Он предложил типологическую схему гарпунных наконечников, более 1000 которых было найдено в двух могильниках. С. Арутюнов распределил их по группам, выявил встречаемость, сочетаемость и установил, что собой представляли наконечники, как были увязаны с хронологией, экологией, родовой структурой населения. В классификации и датировке этих наконечников позднее участвовал ученик Арутюнова М.М. Бронштейн, разработавший эволюционную схему орнаментов. Публикации результатов этих экспедиций – "Уэленский могильник" (1969), "Эквенский могильник" (1975) – важнейшая часть мировой эскимологии; невозможно говорить о культуре и хозяйстве арктических морских охотников, не ссылаясь на эти работы (они были переведены на английский язык и известны в электронной версии довольно давно, а в 2007 г. полностью выходят в США в английском переводе, дополненные и современные С.А. Арутюновым).

Другим уникальным памятником, с которым имел дело Сергей Александрович, стала Китовая аллея. Исследования 1977 г., осуществленные вместе с И. Крупником и М. Членовым, показали, что до наступления "малого ледникового периода" (XIV–XVIII вв.) эскимосское общество было куда более стратифицировано. Тут зарождалась своеобразная цивилизация, но она находилась на грани человеческих возможностей; небольшое ухудшение экологии отбросило общество назад, к атомарному состоянию. Во многом это было выявлено уже при исследовании материалов могильников.

Параллельно Арутюнов продолжал заниматься и Японией. В 1960 г. он впервые попал в Японию, где начал проводить полевые сезоны. Японские газеты писали, что появился молодой иностранный ученый, который говорит на японском языке и следует нормам японского этикета, что уже становилось редкостью в самой Японии.

Основы японской религиозной культуры Сергей Арутюнов познавал в ходе общения с дзэнским монахом Арига Кендзабуро, которого он тоже считает своим учителем. Встречи с ним – важные вехи в жизни самого Сергея Александровича.

Круг четвертый (1968–1980)

"Когда рвут тростник, другие стебли тянутся за ним; ведь он растет пучком"
(Книга Перемен)

1968 год. Сергею Александровичу 36 лет. Выходит его книга "Современный быт японцев" (М., 1968 г.), в которой на обширном этнографическом материале выявлены закономерности взаимодействий традиционной и так называемой интернациональной культур. Это легло в основу предложенного и описанного Сергеем Александровичем **ротационного механизма преобразований в культуре**, когда заимствованные элементы перестают быть новинкой и диковинкой, традиционализируются, иногда даже становятся незаметными на общем культурном фоне, а к почти исчезнувшим старым элементам вновь возвращается их престижная функция. Вскоре в соавторстве с Г.Е. Светловым (Комаровским) Арутюнов выпускает известную научно-популярную книгу "Старые и новые боги Японии" (1969 г.). В мае 1970 г. состоялась защита докторской диссертации "Процессы изменения и развития бытовой сферы в современной японской культуре".

Этот период жизни С.А. Арутюнова был крайне насыщен экспедициями: на Печору, Обь и Енисей (с 1972 по 1986 г., совместно с В.И. Васильевым), в Японию (1968–1972 гг.), в Армению (с 1974 по 1988 г., совместно с Ю.И. Мкртумяном), в Индию (с 1974 по 1983 г., с В.П. Алексеевым, М.Г. Абдушелишвили и И.М. Семашко). В иные годы он находился в экспедициях по семь–восемь месяцев в году!

Происходило освоение огромного этнографического и физико-антропологического материала. И хотя в это время период Сергей Арутюнов крайне редко возвращался к кабинетному образу жизни, именно тогда возникла самая известная из выдвинутых им теорий – **информационная теория этноса**. Впервые она была представлена в написанной совместно с Н.Н. Чебоксаровым статье "Передача информации как механизм существования этносоциальных и биологических групп человечества" и опубликованной в "Расах и народах" в 1972 г.

Круг пятый (1980–1992)

*"Просило сердце у меня то, чем само владело:
В волшебной чаше увидеть весь мир оно хотело"* (Хафиз)

Продолжаются длительные экспедиционные выезды, а тем временем появляются публикации их результатов. На основе армянских исследований выходит совместная монография "Культура жизнеобеспечения и этнос" в соавторстве с Э.С. Маркарян, Ю.И. Мкртумяном и другими участниками комплексного исследования (Ереван, 1983).

С.А. Арутюнов и С.И. Рыжакова на V Международном конгрессе этнографов и антропологов. Омск, 2004 г. Фото К.Л. Банникова

Сергей Александрович выступает редактором и соавтором сборников материалов по этногенезу и этнической истории народов Южной Азии, куда вошли уникальные данные индийско-советских экспедиций (1971–1983 гг.) – "Истоки формирования современного населения Южной Азии" (М., 1990) и "Этногенез и этническая история народов Южной Азии" (М., 1994). Выходит множество других публикаций Сергея Александровича по более частным вопросам в советских и в зарубежных этнографических и антропологических изданиях.

В 1989 г. публикуется монография "Народы и культуры", где подробно описана еще одна важная общая культурная закономерность – **ареальная стабильность**, обусловленная рядом факторов (микро- и макротопографическими особенностями ландшафта, избирательностью контактов, "пропускной возможностью" всевозможных культурных каналов связи). Эта теория была подкреплена, в частности, на материале лингвистических, археологических и этнографических исследований культурных ареалов Японии. В 2000 г. книга "Народы и культуры" в переработанном, дополненном виде была издана в США под названием "Культуры, традиции и их развитие и взаимодействие" ("The Edwin Mellen Press". Lewiston; Queenston; Lampeter).

Март 1984 г. Блестящее выступление Сергея Арутюнова на конференции в Осаке с докладом о параллелях в процессах урбанизации Японии и Армении, опубликованном на японском языке в книге "Тосики-но-буммэйгаку" ("Культурология урбанизации". Токио, 1985). Тесное общение с ведущими японистами мира. Всё, происходившее там, стало очевидным признанием С.А. Арутюнова как выдающегося российского ученого, снискавшего не только уважение, но и искреннюю симпатию и восхищение коллег из многих стран.

Вместе с тем в тот же визит в Японию состоялось еще одно важное событие в жизни С.А. Арутюнова – его новая встреча с Арига-сенсеем и обретение первого дзэнского посвящения. Через 5 лет, еще в этот же зодиакальный цикл, состоялась и его последняя встреча с японским мастером. В декабре 1989 г., в 57 лет, Сергей Александрович получил от учителя некоторые пророчества и напутствия и навсегда попрощался с

С.А. Арутюнов и Н.Л. Жуковская во время научной командировки в Будапеште. Ноябрь 2005 г.
Фото Т.А. Ворониной

этим человеком, который вел и хранил его на пути внутреннего, личного совершенствования.

Начали меняться и области научной деятельности Арутюнова. Хотя он и раньше занимался кавказскими исследованиями, участвовал в экспедициях в Армении, теперь именно эти связи укреплялись. В 1985 г. Сергей Александрович стал заведующим Сектором Кавказа. Так, словно бы произошло "возвращение" в реальный культурный ареал его детства.

Круг шестой (1992–2004)

"Меняют города, но не меняют колодец.

Уйдешь и придешь, но колодец останется колодецем" (Книга Перемен)

Жизнь шла своим чередом. Зодиакальные циклы сменяли друг друга уже не так резко, как в детстве и юности. Сергей Александрович по-прежнему много ездил – один (в 1995–1996 г. работал в эскимосских поселках на Аляске), а иногда и вместе со своей супругой, выдающимся ученым, этнографом с не меньшим, чем у самого Арутюнова, опытом полевой работы, исследователем культуры монгольских народов Натальей Львовной Жуковской. Осень и зиму 1996–1997 гг. они провели в Саппоро (Япония), в Славянском центре Университета Хоккайдо, и выезжали в полевую экспедицию по тем же айским поселкам, где С.А. Арутюнов работал 37 лет тому назад, в 1960 г.

В конце шестого жизненного круга, в ноябре 2003 г. Сергей Александрович в сотрудничестве с Международным научно-исследовательским институтом народов Кавказа в Тбилиси (научный руководитель – проф. Лия Меликишвили) организовал и провел Конгресс кавказоведов в Нахабино. На этом конгрессе удалось собрать более 100 этнографов, социологов, религиоведов из всех регионов Кавказа – как Северного, так и Южного, и более 30 гостей из дальнего зарубежья; в его работе приняли участие также десятки московских и петербургских ученых. Из более чем 100 представленных докладов многие позже были опубликованы, в частности, в альманахе "Расы и

народы" (вып. 31, 2006 г.). Но главное – это то, что встретились и восстановили научные связи ученые разных регионов, которые в силу обстоятельств после распада СССР долгие годы были разобщены.

Само руководство отделом Кавказа в эти годы предполагает не только спокойную плановую академическую работу, но и активное вовлечение в общественные дискуссии, участие в многочисленных теле- и радиопрограммах, интервью и подготовку газетных публикаций. Сергею Александровичу нередко приходится давать экспертные заключения и выступать на судебных процессах по вопросу о разжигании межнациональной розни. Его блестящая речь, фундаментальные знания, максимально возможно объективная точка зрения на самые сложные, противоречивые проблемы современности производят глубокое впечатление на слушателей.

С.А. Арутюнов продолжает руководить аспирантами и докторантами; широта его познаний и интересов может быть оценена и по тому спектру областей и проблематики, в которых работают его ученики (исследователи эскимосской культуры М.М. Бронштейн и К.А. Днепровский; С.И. Рыжакова, изучающая балтийские и южноазиатские культуры; японист и исследователь экстремальных групп современной России К.Л. Банников, кавказоведы А.О. Булатов, Р.Х. Тазиев, М.Д. Каракетов, Н.М. Абдушелишвили, Л.А. Тедеева, религиовед Е.С. Сафронова и др.).

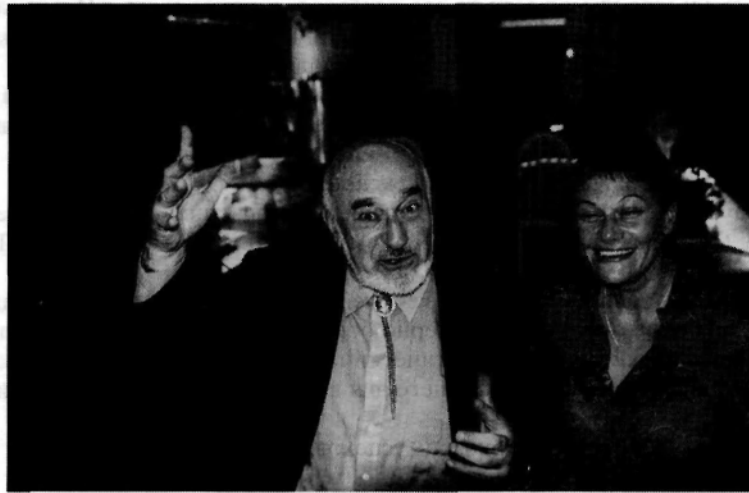
Круг седьмой

*«Иди к нам, строгий суфий! Бокалы не пусты.
Вино, коль приглядеться, – зеркало чистоты.
Спроси у пьяных риндов о тайнах бытия:
Вовек их не узнают, те, кто блюдет посты.
Я прекратил погоню за мудростью, когда
Вдруг ощутил поводья любви и красоты.
Хафиз – мюрид Джамшида: он в чашу до зари
Глядит и с шейхом Джамом беседует на
"ты"...»*

(Хафиз)

В 2004 г. Сергею Александровичу исполнилось 72 года, и тогда же он отметил 50-летие своего вступления в мир этнографии. Это стало началом его нового жизненного круга. Он продолжает ездить в разные страны мира, где выступает с нетривиальными докладами на конференциях, конгрессах (*"благородный человек до конца деятелен"*, как говорит *"Книга Перемен"*!).

Он много преподает – в России (МГУ, другие университеты), в Армении, ранее также в университетах Кембриджа, Берна, Питтсбурга, Аризоны (Темпе), Аляски (Фербенкс), Стэнфорда, Джорджтауна, Калифорнии (Беркли), Хоккайдо. Его выступления и лекции остаются в памяти слушателей надолго, многие из них приходят повторно. Слушая Сергея Арутюнова, ты словно погружаешься в кабину самолета, обладающего свойствами машины времени, который пронесется над странами и эпохами: видишь, слышишь народы, людей... почти что запах и вкус этих культур чувствуешь! Подобно Брониславу Малиновскому, он умеет объяснить конкретно и просто сложнейшие понятия, разобрать теории. Особенности эскимосского языка – через китовую охоту, специфику социальной организации общества айнов – на примере ловли лосося, разрушение большой семьи у горных народов Вьетнама – на формах развития личной инициативы путем выращивания гусят и поросят.

С.А. Арутюнов с дочерью Наталией. 2006 г. Фото К.Л. Банникова

Широчайший круг интересов, творческий подход ко всему, за что берутся руки, богатый жизненный опыт, внутренняя сосредоточенность, умение видеть закономерности за разрозненными явлениями, врожденное чувство юмора, сочетающееся с талантом к ироническому высказыванию, жизнелюбие, коммуникабельность, активная жизненная позиция – все это делает Сергея Александровича постоянно востребованным в научных и общественных кругах.

Это привлекает к нему студентов, аспирантов, молодых (и не очень) ученых, журналистов, общественные организации и научные фонды, которые находят в нем консультанта с энциклопедическими знаниями, независимого эксперта по самым различным вопросам, прекрасного, тонкого собеседника и истинного Учителя.

Сергей Александрович относится с удивительным вниманием к идеям (даже не очень-то зрелым, но все же содержащим полезное зерно) своих коллег и даже учеников. Таким образом, он настраивает диахронные связи, не отменяя старое, а ведь так и только так создается и культурная и научная традиция. При этом Сергею Александровичу не чужд и постмодернизм (в конце концов, это ведь часть дзэнской культуры); самое главное – он не склонен абсолютизировать ни одну из теорий. Все-таки, они суть инструменты перед – по словам В.Н. Басилова – "Его Величеством фактом"!

Не менее внимательно и уважительно Сергей Александрович относится к вещам. Это не удивительно, учитывая его многолетний опыт изучения и описания материальной культуры разных народов. Два священных образа – буддийская хранительница тайного знания, Гухьяджняна дакини, и идол северных хантов и лесных ненцев (возможно, образ Мисхума) – были спасены им с Наталией Львовной от гибели и теперь находятся в их московской квартире. Хозяева – этнографы – ничего не просят у них, но хранят, как библиотеки или музеи хранят бесценную информацию, пока она не будет востребована. Ведь ничто не исчезает бесследно и ничто не возникает из ничего...

Сергей Александрович верит в перерождение души. Какой опыт предыдущих рождений он сам несет в себе? С.А. Арутюнов находится в родстве со многими религиями и народами – кровно и культурно. А уж со сколькими народами знаком "на короткой ноге" – и не сосчитаешь!.. Возможно, каждая из его бесчисленных поездок и познанных земель была вызвана ниточкой связи, протянутой из глубокого прошлого. Неко-

торые обстоятельства указывают на его особую духовную связь с Италией. Незадолго до его рождения умер двоюродный брат одной из его прабабушек, итальянки, офицер итальянской армии. Не его ли душа возродилась в Тифлисе в 1932 г.?

Судя по этапам его жизненного пути, мы видим, как мало случайного в нем было. Силой духа, благодаря многим талантам, но не в меньшей степени и постоянной работе, произошло сложение, переработка, развитие, осмысление всего того, что судьба предоставила в распоряжение Сергея Александровича.

В этом году мы с чувством глубокого уважения, признания и любви отмечаем юбилейную дату С.А. Арутюнова. 75 лет – что это значит? Я бы сказала: "Прошедший треть седьмого круга великого земного бытия...".

Сергей Александрович – выдающийся ученый с мировым именем, эрудит, блестящий оратор, общение с которым безмерно обогащает и в какой-то мере утешает, поскольку его жизненный опыт и аналитический склад ума позволяют извлекать из тревожных событий и перемен сегодняшнего дня незыблемые устои и гармонию мирового устройства.

Мы желаем ему здоровья, творческих успехов и вдохновения!

Nos est vivere bis, vita posse priore frui!

S.I. R y z h a k o v a. Dragging the Chariot of Foolishness... Toward the 75th Anniversary of S.A. Arutyunov

The essay is a biographical sketch of the career of Sergei Aleksandrovich Arutyunov, professor and corresponding member of the Russian Academy of Sciences, a renowned authority in Russian ethnology. This year marks the 75th anniversary of the scholar.